

Лин Си мягко улыбнулся и протянул длинную изящную руку ладонью вверх:

— Хорошо. Тогда один лян серебра.

Лу Сянбай опустил взгляд на его безупречно белую ладонь и медленно распахнул глаза.

Стоявшие рядом зеваки:

«???»

Впервые в жизни они слышали, чтобы за «дружбу» требовали деньги.

Лин Си приподнял бровь и с полным правом возразил:

— Вы что, всерьёз собираетесь пить моё вино бесплатно? Даже родные братья считают всё по-честному, а мы с вами ещё и друзьями толком не стали.

— Б... бесплатно?.. — Лу Сянбай запнулся. Его начитанный, вместивший тысячи книг разум внезапно опустел.

Те несколько молодых господ, что пришли поглазеть, вовсе не были наивными паиньками, в кварталах развлечений они бывали не раз. И потому, услышав столь неожиданное слово из уст юного гера, они остолбенели от изумления. Глаза распахнулись, рты приоткрылись, лица у всех разом залились краской, будто «обобранными» оказались именно они.

Лин Си наклонился и поднял кувшин с вином. Сосуд был небольшим - редкость всегда ценится дороже. Раз уж учёные мужи любят изящные условности, он с удовольствием готов был «постричь» зажиточных клиентов.

На кувшине размашистым, летящим почерком были выведены три иероглифа: «Улыбка наложницы».

— Прекрасный почерк! — вырвалось у Лу Сянбая. Сначала его привлекли именно эти строки на дощечке, а потом смысл написанного целиком завладел его сердцем и мыслями.

Подойдя ближе, можно было заметить: на этом скромном с виду месте всё скрывало глубокий замысел. Даже роспись на ткани, покрывавшей прилавок, отличалась тонким мастерством. А вынутый теперь кувшин с вином - три иероглифа на нём были исполнены мощно и свободно, кисть шла, словно дракон, не зная преград. Одного лишь почерка было достаточно, чтобы понять: у того, кто писал эти слова, в груди горы и реки, человек он незаурядный.

— Это ты написал? — с нетерпением спросил Лу Сянбай. В глубине души он почти не сомневался, что нет: такой размах и сила были не по плечу геру.

Лин Си покачал головой. Сердце Лу Сянбая радостно дрогнуло, так он и думал.

— Это написал мой муж.

Улыбка на лице Лу Сянбая застыла. Значит, гер уже замужем. Ну конечно. С такой внешностью он никак не мог оставаться без пары. В груди поднялась необъяснимая, тихая печаль. Он перевёл взгляд на кувшин с вином, достал из-за пазухи один лян серебра и положил его на стол:

— Здесь, должно быть, вино из личи. Название «Улыбка наложницы» явно на это указывает.

Лу Сянбай потянулся за кувшином. Пусть один лян и дороговато, но стоило лишь ещё раз взглянуть на юного гера, а затем на изящную каллиграфию, и цена казалась вполне оправданной.

Однако Лин Си перегородил ему путь чашкой, мягко, но решительно остановив его руку:

— Господин, вы ошиблись. Один лян - вот за это.

Юноша слегка покачал в руке крошечную чашку с вином.

Лу Сянбай, как и несколько человек, столпившихся рядом, остолбенели. Они снова недоверчиво уставились на Лин Си, и тут же получили в ответ его приветливый, уверенный кивок. Значит, они всё поняли правильно.

Один лян серебра за такой вот крошечный глоток? Да это же откровенное вымогательство!

Глаза Лу Сянбая едва не вылезли из орбит. В жизни он повидал немало нелепостей, но даже его бесконечные провалы на экзаменах меркли перед этим. Кто здесь сошёл с ума - он сам или этот молодой гер?

По выражению лица Лу Сянбая Лин Си отчётливо прочитал невысказанную мысль: Ты ведь мог просто ограбить меня, зачем же ещё и одаривать меня этой крошечной чашкой вина?

— Господин, вы заходите слишком далеко! — не выдержал молодой человек в зелёном одеянии. Он считался, пусть и негласно, поклонником Лу Сянбая и никак не мог спокойно смотреть, как того бессовестно обирают. — Нельзя же пользоваться тем, что мы, люди учёные, держимся достоинства и не станем препираться с женщинами и герами, чтобы вот так нас унижать!

— Верно! — подхватил другой. — За такую каплю вина требовать один лян - это же чистой воды грабёж!

— И ещё смеет прикрываться словами «вино ради дружбы», — язвительно добавил третий. — Ты, гер, должен сидеть дома, служить мужу и заботиться о семье, а не разгуливать по людным местам и выманывать серебро. Воистину, нравы пали.

— Раз уж ты замужем, — холодно бросил кто-то ещё, — позови сюда своего мужа. Пусть он выйдет и поговорит с нами как подобает. Нам нет нужды тратить слова на такого дерзкого гера.

Толпа учёных мужей окружила здесь красивого молодого гера и обрушилась на него с резкими упрёками. Для человека, не знающего предыстории, всё это выглядело как отменное зрелище. В современности такое наверняка уже попало бы в горячие новости с кричащим заголовком вроде: #Маленький гер и шесть ученых: история, о которой нельзя молчать#.

Зевак вокруг становилось всё больше, шёпот и перешёптывания нарастали. Когда эти несколько человек наконец поняли, что дело принимает дурной оборот, было уже поздно - ради сохранения лица отступить не получалось. Проход оказался наглухо заблокирован: впереди и позади плотная стена любопытных. Отступить было некуда.

— Ч-что же делать?.. Если отец с матерью узнают, они меня до смерти забьют!

— Только бы моя жена не услышала... если она что-нибудь не так поймёт, мне месяц в кабинете спать придётся!

— М-мы никого не обижали! Не смейте клеветать!

Лу Сянбай с юных лет слыл «воплощением Вэньцуй-сина». Говорили, что он непременно станет великой фигурой. Его стихи и сочинения расходились по рукам, их переписывали и заучивали наизусть. Истории, подобные той, о которой упоминал юноша в зелёном, случались не раз, а вкупе с его постоянными провалами на экзаменах Лу Сянбай окончательно превратился в фигуру, о которой судачили во всём уезде - и грамотные, и неграмотные знали его имя. Поэтому, даже несмотря на измождённый вид, его узнали почти сразу.

— Эй, да это же Лу-сюцай! — вдруг кто-то ткнул в него пальцем и закричал.

— Где? Где он? Лу-сюцай где?!

— Я слышал, Лу-сюцай опять провалился и от горя повесился... выходит, не умер всё-таки?

— Тьфу! Да он жив-живёхонек, просто приуныл немного. Не надо проклинать Лу-сюцай.

Слова эти достигли ушей Лу Сянбая, и ему стало так стыдно, что лицо и шея вспыхнули багрянцем. Хотелось провалиться сквозь землю, зарыть голову в грязь и больше никогда не поднимать глаз.

— На его месте я бы давно со стыда умер. Какой ещё «нисхождение Звезды Вэньцуй»? Разве Вэньцуй-син может год за годом проваливаться на экзаменах? По-моему, ему бы давно признать, что талант иссяк, да честно вернуться в деревню землю пахать. А то его мать всё тешит себя несбыточными мечтами.

— Грубо сказано, но по сути верно. Раньше у Лу-сюэя и правда был талант, а что он пишет в последнее время - сплошная чепуха. Перевод бумаги и чернил. Его слава уже в прошлом.

Голоса вокруг звучали, словно длинные иглы, вонзающиеся прямо в барабанные перепонки, больно до разрыва сердца.

И вдруг до носа донёлся густой, насыщенный аромат: терпкий, обжигающе-острый, с лёгкой сладкой ноткой. Лу Сянбай резко вырвался из пучины отчаяния, поднял глаза и замер.

Перед ним была маленькая чашечка. На первый взгляд будто бы пустая: белый фарфор, ничего внутри. Он нахмурился, присмотрелся и заметил, как на дне едва колыхнется тонкая рябь.

В чашке была почти прозрачная жидкость. Не вода.

Это было... вино.

Он с упоением вдыхал аромат, поднимающийся из чаши.

Это было вино.

Небеса... да это и вправду вино!

Как такое вообще возможно? Разве вино не должно быть мутным? Почему же это чистое и прозрачное, кристально ясное, словно отлитое из света? Неужели это тот самый небесный нектар, который пьют бессмертные?

Лин Си протянул чашу вперёд:

— Господин, ваше вино.

Руки Лу Сянбая слегка дрожали, когда он принимал чашу, он боялся, что по неосторожности прольёт хоть каплю и сердце его этого не вынесет. Он бережно поднёс её к губам, сначала

лишь вдохнул аромат. Стоило винному духу коснуться обоняния, как Лу Сянбай тут же опьянел душой и на миг перестал понимать, где находится.

Он сделал осторожный глоток. Вино оказалось одновременно сладким и жгуче-крепким, так, что даже он, закоренелый любитель выпивки, едва не закашлялся.

— Какое крепкое вино... — пробормотал Лу Сянбай, отстраняя чашу и вглядываясь в прозрачную жидкость.

Вкус на кончике языка был бесконечно богатым, манящим, не дающим покоя. Не в силах сдержаться, он тут же опрокинул в рот остаток.

— Ах... — вырвался у него глубокий вздох, идущий прямо из груди.

Долгое время он не мог прийти в себя, словно парил в стране бессмертных. С закрытыми глазами он ощущал, как тело постепенно наполняется жаром. Его мёртвый, застывший разум впервые за долгое время вновь пришёл в движение. В груди будто вскипала горячая волна, готовая вырваться наружу. Ему хотелось размахнуться кистью, властвовать над словами, воспеть горы и реки, рассказать обо всём многообразии человеческой жизни.

— Кисть сюда, — резко распахнув глаза, произнёс Лу Сянбай; взгляд его пылал, а широкий рукав взметнулся в воздухе.

В нём было что-то от легендарного образа: «один кувшин и сто стихов, как у Ли Бо»*.

(ПП: Эта фраза является цитатой из стихотворения великого поэта Ду Фу, посвящённого его другу и коллеге Ли Бо. Ду Фу в шуточной, восхищённой манере описывает феноменальную творческую продуктивность Ли Бо, напрямую связывая её с потреблением вина)

Одетый в зеленое господин опомнился первым и в панике крикнул Лин Си:

— Бумагу и кисть! Скорее, бумагу и кисть!

Лин Си не совсем понимал, что собирается делать этот тип с видом «отойди, сейчас я буду блистать», и неторопливо достал свои скудные запасы письменных принадлежностей.

— Что за дрянная кисть! — с отвращением воскликнул одетый в зеленое, с досадой жалея, что оставил собственные бумагу и тушь в повозке. — Проклятый поэтический съезд, почему его устроили днём!

Лу Сянбай же и бровью не повёл. Он перехватил кисть и тут же, не делая ни единой паузы, принялся писать прямо на том участке белого полотна Лин Си, где не было рисунка.

— Идёт! Идёт! В Лу-сюоя вновь вселился Вэньцзюйсин!

— Небеса милосердные! Он пишет, не отрывая кисти! Так вот она какая, сошедшая на землю Звезда Вэньцзюй!

— Великолепно! Великолепно! До чего же прекрасно написано!

— Никто не смейте со мной спорить! Сегодня этот свиток Лу-сюоя за сто лян - мой!

— Тьфу! Старина Лю, имей совесть! Сто лян за каллиграфию господина Лу? Я, Чжун Юньфан, даю двести!

Вот так просто начался аукцион.

Лин Си наконец понял, отчего тот господин в зелёном так переполошился: оказывается, этот человек был из тех поэтов, что стоит лишь выпить, и вдохновение бьёт ключом.

Последний штрих лёг на полотно одним непрерывным движением. Лу Сянбай с удовлетворением посмотрел на написанное стихотворение, словно тяжёлый камень и гнетущая тоска, давившие на него все эти дни, разом рассеялись. Мир вокруг вдруг наполнился светом.

— Благодарю вас, юный фулан, за кисть и тушь, — вежливо произнёс Лу Сянбай, возвращая кисть Лин Си.

Лин Си лукаво повёл глазами и с печальным видом сказал:

— Кисть и тушь дело пустяковое. Но вот этот бамбук тушью был нарисован моим мужем специально для меня. Теперь, если я принесу его обратно в таком виде, боюсь, мне будет трудно что-либо объяснить.

Лицо Лу Сянбая тут же стало неловким. Он, не задав ни единого вопроса, прямо на чужой картине начертил своё стихотворение. Для почитателей его таланта эти строки стоили бы целое состояние, но для этого молодого гера его поступок, вероятно, выглядел как беспорядочная мазня, погубившая искренний труд и заботу мужа.

— Искренне прошу прощения. Я проявил не деликатность, взял чужое, не спросив, — смиренно произнёс он. — Прошу вас, юный фулан, не держать на меня зла.

С этими словами Лу Сянбай вынул из-за пазухи серебро, намереваясь возместить причинённый ущерб.

Остальные, увидев, что этот молодой гер вовсе не спешит принять извинения и ещё позволяет себе говорить о возмещении, были возмущены до крайности: да они бы с радостью заплатили большие деньги за стихотворение Лу-сюэя, да где уж - и купить бы не смогли!

Лин Си махнул рукой, отказываясь:

— В серебре нет нужды. Я ведь только что говорил с вами об «угощении вином ради дружбы». На самом деле всё обстоит так. Мой муж по несчастью повредил ногу. С тех пор он пал духом, тоска тяжёлым камнем легла ему на сердце, и мне хотелось хоть немного его порадовать. Он особенно любит хорошее вино, но всё, что продаётся на рынке, слишком пресное и безвкусное. Потому я долго искал способы и рецепты и в конце концов сумел приготовить новое вино. Мужу оно пришлось по душе, и он действительно перестал предаваться унынию. Тогда он решил, что радость лучше делить с другими, чем хранить в одиночестве, и попросил меня воспользоваться этим случаем, чтобы найти людей, близких ему по духу.

Толпа вокруг слушала, кивая с просветлёнными лицами. Кто-то поднял большой палец, хваля Лин Си как образцового фулана: мол, его мужу несказанно повезло с таким супругом. Другие же загорелись любопытством - что это за вино такое, раз оно сумело пробудить вдохновение у давно молчавшего Лу-сюэя.

Лу Сянбай был глубоко тронут услышанным:

— Вы поистине достойный фулан. Позвольте мне сочинить для вас стих и поведать эту историю всему свету.

Лин Си: «...»

Вот уж совершенно ни к чему.

Он поспешил сменить тему:

— Вы уже испили первую чашу. Как вам показалось это вино?

Лу Сянбай без малейших раздумий расхвалил:

— Превосходно, по-настоящему превосходно! Это лучшее вино, какое я пил за всю жизнь!

Если бы все вокруг не знали, что Лу Сянбай - заядлый любитель вина, который скорее вовсе не станет пить, чем притронется к дурному напитку, они бы, пожалуй, заподозрили его в том, что он подставной человек этого молодого гера.

Лин Си остался доволен ответом. Его брови изогнулись в улыбке, и он продолжил свою тонкую

игру:

— Мой муж по натуре большой ценитель вина и хочет найти друга, с которым можно было бы пить на равных. Если вы сумеете подряд выпить десять чаш и при этом сохраните ясную голову, я верну вам все деньги за вино и вдобавок подарю целый кувшин.

Лу Сянбай вдруг всё понял. Вот почему вначале этот гер спросил его, способен ли он пить без меры и не пьянеть. Он облизнул губы: во рту всё ещё держался аромат вина, словно крючок, зацепивший его винную жажду. Кадык ходил вверх-вниз, выдавая нетерпение.

Лу Сянбай пил вино, как дышал, и крепость у него была соответствующая. Десять чаш - сущий пустяк, опьянеть от этого невозможно. К самому «испытанию» он отнёсся без особого интереса, ему просто хотелось вновь и вновь ощущать вкус этого вина.

— Без проблем. Серебро возвращать не нужно. С вашим мужем я непременно хочу подружиться!

— Bravo, Лу-сюцай! Вот это размах! — громко подбадривали его зеваки.

У многих загорелись глаза: вино Лин Си разжигало любопытство. Люди начали потирать руки и выстраиваться в очередь. Да что там десять чаш - будь возможность, они бы с радостью выпили весь этот маленький винный прилавок до дна. А уж получить к тому же кувшин вина даром - это и вовсе казалось выгодной сделкой.

Бесплатное всегда притягивает сильнее всего.

Вот только они ещё не знали: именно бесплатное обходится дороже всего.

<http://bllate.org/book/13580/1301669>